

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Современная проза

GUSTAV
KLIMT

АРТЁМОВ Владислав Владимирович

Родился в 1954 году в с. Лысуха, Березинского района Минской области. Русский поэт и прозаик, публицист. Главный редактор журнала «Москва».

В 1982 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи печатались в журналах «Литературная учёба», «Юность», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Московский вестник» и других. Автор ряда глубоких по содержанию и увлекательных книг стихотворений и прозы. Капитан запаса, но в армии не служил, звание получил, будучи литконсультантом литературной студии московского Дома офицеров.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова, премии им. А. Фета (1995), премия им. С. Есенина (2001), Международного конкурса «Литературной России» (2006), Пушкинской премии за 2018 год в номинации «Просветители» — «За весомый личный вклад писателя и редактора в развитие современной русской литературы».

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович

Родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор восьми поэтических и четырех прозаических книг, а также более двухсот художественных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А. М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), Всероссийской литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России.

НАГОВИЦЫНА Екатерина Семеновна

Родилась в 1978 году. Участник боевых действий на Кавказе. Майор, действующий сотрудник спецподразделения. Награждена орденом Мужества. Член Союза Писателей России. С 2010 года занимается литературным творчеством. Автор ряда прозаических произведений о проведении контртеррористических операций в горячих точках. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Победитель международных конкурсов «Славянские традиции» и «Русский Гофман». В 2015 г. лауреат Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева. В 2022 г. XIII Международным славянским литературным форумом «Золотой Витязь» награждена Дипломом за книгу «Снайпер в Чечне. Записки офицера СОБР». Рассказы и повести выставлены на военных сайтах и напечатаны во многих журналах России («Подъем», «Нева», «Берега», «Нижегородская провинция», «Русское поле», и многих других).

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №22 /1963/ Основана в 1927 г.

Современная проза

Владислав Артёмов

История болезни

Повесть

Бог говорит: «Нехорошо быть человеку одному».

1

Антон Куликов жил один.

Даша умерла десять лет назад. Эта смерть, как и большая часть смертей на земле, случилась неожиданно, не вовремя и некстати.

По характеру своему был Антон человеком мягким, колеблющимся, нерешительным. А тут совершенно потерялся, особенно в самые первые дни. Не знал, что же ему делать и как теперь быть. Всё в его жизни в один миг переменялось и смешалось. Внезапно и бесповоротно.

Даша умерла в середине марта, когда всё кругом, наоборот, пробуждалось и оживало. Антон навсегда запомнил то яркое, морозное и страшное солнечное утро. Такое яркое и праздничное, что никак нельзя было поверить. Нет, умирать следует в ноябрьских сумерках, на закате пасмурного дня, слушая унылый шум дождя и пошвыстывание осеннего ветра.

Будь Антон посторонним человеком, он бы встревожился ещё за месяц до её смерти, когда с Дашей произошло нечто непонятное. Антон накануне крепко выпил с дворником, потому спал почти до полудня. Проснулся, сходил на кухню, где прятана была у него под раковиной бутылка виски, затем отправился в комнату жены. Ещё вчера всё было как обычно, а нынче Даша лежала с открытыми глазами, Антона не узнавала, молчала. Куликов попытался её разговорить, думая, что она злится из-за его вчерашней пьянки, но Даша глядела на него равнодушно и как будто не видела. Он понял, что это не игра и не притворство. Испугался, но не сказать чтобы сильно. Ему и в голову не приходила и не могла прийти дикая мысль, что какая-то

смерть вдруг явится ниоткуда, чтобы разделить и разлучить их.

Двадцать лет они жили вместе. Антон настолько привык к жене, что чувствовал себя с ней единым существом. У них давно уже произошло то, что у людей называется пригиркой характеров, сглаживанием острых углов. Как волны, накатываясь друг за дружкой, шлифуют и округляют гальку, так и семейные ссоры, радости, раздражения постепенно стёсывают острые грани в характерах людей. Некоторые свойства одного успели проникнуть, сродниться и перемешаться с характером другого. Одним словом, Тоша и Даша стали единым целым, они стали — Куликовы.

Антон вызвал «скорую» и стал прибираться в комнате.

Минут через двадцать запиликал домофон. Дородная врачиха, деловая и умелая, пощупала лоб, поставила градусник, померила давление, пульс, вставила в уши никелированные штуки, послушала дыхание.

— Плохо дело.

Складывая инструмент в саквояж, несколько раз, обращаясь к Даше, громко спросила:

— Как зовут? Имя?

Даша спокойно и задумчиво глядела сквозь неё в какую-то свою даль и ничего не отвечала.

— Дарья, — подсказал Антон.

— Понятно, — сказала врачиха и обернулась к Антону, который стоял за её толстой спиной и старался дышать в сторону. — Глаза с желтизной. Билирубин. На печень жаловалась?

— Гепатит. С детства у неё. А тут ещё пневмония прибавилась. Окна открывали, проветривали.

— Худо дело. Гепатит и пневмония несовместимые болезни. Лекарства от пневмонии гробят печень. Мы её увезём. Куда, пока неясно. Где будет места. Я позвоню. Зовите соседей, нужно снести её вниз, к машине. Поторопитесь.

Происходило это 23 февраля, в праздник. Все соседи, с которыми дружил во дворе Антон, пили. Он и сам, прежде чем пойти к жене, успел опохмелиться, выпил на кухне пару рюмок вискаря. Как тут поторопишься, кого дозовёшься?

Антон спустился в подвал, разбудил дремавшего на кушетке дворника Мишу. В подъезде встретили случайного соседа, испуганного мальчика с седьмого этажа, прихватили его. Больше никого не было. Водитель «скорой», пригревшийся в кабине, помогать отказался. Выдал носилки — кусок брезента с петлями по краям. Антон успел подивиться — оказывается, есть у них в арсенале и такие вот носилки. Чтобы удобнее было складывать человека, когда понадобится поместить его в лифт. Они попытались, но ничего не получилось. Пришлось спускаться пешком с пятого этажа. Несли брезент, спо-

тыкаясь, мешая друг другу. Первым пятился, прокладывая дорогу, опытный жилистый дворник, с другого конца — хмельной Антон и испуганный слабосильный мальчик. Даша по-прежнему не приходила в себя, только тихо стонала после каждого неловкого толчка.

После того как железная дверь скорой захлопнулась и Дашу увезли, Антон совсем успокоился. Теперь за судьбу её отвечали специалисты. Опытные и умелые профессионалы, знающие, что и как делать. Через час зазвонил телефон:

— Антон Куликов? Сто тридцать вторая больница. Это недалеко от Таганки.

Он оживился, выпил рюмку на дорожку, вызвал такси. Ожидая, успел хватить ещё одну. Ехал в больницу в самом бодром расположении духа и мыслей.

То, что он увидел в больнице, чрезвычайно его поразило. Антон представлял больничный быт совсем по-другому. Вышел из лифта на нужном этаже и как будто оказался на вокзале, в переполненном зале ожидания. Или в прифронтовом лазарете. Весь коридор уставлен был койками, всюду слонялись серые фигуры, нечёсанные и неприкаенные. Пахло кухней и лекарствами. Жена его лежала в самом дальнем конце. Глядела на него внимательно, но по-прежнему равнодушно, словно на постороннего. Антон говорил, говорил, она слушала, ничего не отвечала.

— Посторонись-ка, милоч!

Антон подхватился. Плечистая баба с круглым простонародным лицом, позвякивая мензурками и железными коробками, прокатывала мимо медицинский столик. Была она в белой куртке, не очень свежей, и в коротких просторных штанах.

— Послушайте, э-э-э... Любезная... Вы не старшая медсестра?

— Зачем тебе?

— Это моя жена. Не реагирует. Я бы хотел, чтобы повнимательнее...

— Забудь, — сказала баба. — Тебе медсестра без пользы. Тебе нужна старшая санитарка. Это я. Зови меня Нюра. Такса обычная, от трёхсот до пятисот в сутки.

— У меня как раз пятьсот! — обрадовался Антон тому, как складно всё устраивается. И то, что санитарку зовут Нюрой, тоже ему очень и очень понравилось. — Потом ещё денег добуду. Не проблема. У меня богатых друзей тьма! Не имей сто рублей... Тот же Варакин мне никогда не откажет. Могу заплатить наперёд за неделю.

Сам заметил своё хмельное многословие и оборвал.

— Наперёд никогда не плати, — мудро посоветовала санитарка Нюра. Приняла деньги, сунула в карман куртки. — А от медсестёр нет тебе никакого проку. От них вред один.

Антон, хоть и сам был немного выпивши, уловил исходящий от санитарки Ньюры тёплый спиртной душок.

Санитарка покатила свой столик дальше по коридору, покачивая головой и бормоча добродушно: «Ишь ты как... “Любезная”. Придумал тоже...»

— Эй ты! — прикрикнула походя на резвую девочку лет десяти. — Кровать-то не ломай. Скакалка...

На следующее утро Антон привёз халат, тапочки, кружку, зубную щётку... Кровать Даши стояла уже не в дальнем конце коридора, а в просторном и светлом холле, напротив дежурного поста. Так что, если что...

Даша по-прежнему его не узнавала, правда, глядела не так отчуждённо, как накануне, а заметно теплее и ласковей.

Антон присел на шаткий стул у её кровати. Был утренний обход. Врач, в очках, долговязый, худой, сутулый, проходя мимо, едва взглянув, сухо сказал:

— В реанимацию.

Дашу повезли в соседний корпус, куда, как оказалось, Антону вход был воспрещён. Рослый санитар мягко, но решительно положил ладонь ему на грудь, остановил и отодвинул. Антон изловчился и успел кое-что разглядеть, пока носилки на колёсиках мягко вкатывались в таинственную глубину реанимационной палаты, пока смыкались створки дверей. Там в глубине мигали огоньки приборов, что-то пикало, по огромной палате ровно и спокойно разливалось голубоватое свечение.

Реанимация встревожила, но и приободрила Антона. Это не коридор. Здесь особенные врачи и профессиональные, сильные санитары! У них огромный опыт борьбы со смертью. Они знают как.

Здесь не дадут умереть!

В серых сумерках вернулся домой. Зажёг свет на кухне, и тотчас навалилась на стёкла непроглядная тьма. Вскипятил воду. Заварил чай, накрыл салфеткой. На душе было печально и одиноко. Глядел в окно сквозь призрачное своё отражение. За окном лежал опустелый голый двор, озарённый тревожными жёлтыми фонарями, заваленный снегом. Антон задумался, а о чём — и сам не знал.

Про чай забыл, а когда вспомнил, чай уже остыл.

Душевное смятение всё больше овладевало им. Антон пытался отогнать нарастающую тревогу, заговорить беду, но на ум приходили самые общие, ничего не значащие, бессильные слова: «всё будет хорошо», «всё образуется».

В полночь отправился в пустую спальню, прилёг, не раздеваясь, на самый краешек широкой кровати. Часто просыпался, слушал печальный бой настенных часов и снова задрёмывал. Кое-как перемогся до утра.

Утром снова прибежал к белым дверям реанимации. Врач в очках, не тот мрачный и равнодушный

сухарь, который отправил сюда жену, а другой, упитанный, розовощёкий, бодрый, ласково и негромко разговаривал с двумя пожилыми женщинами в чёрных платках, жизнерадостно улыбался. Видно было, что обнадёживал. Антон почувствовал доверие к этому врачу.

Когда пришла очередь Антона, врач перестал улыбаться.

— Увы, — сказал он, отводя взгляд, — вынужден предупредить вас. Готовьтесь. Буду предельно честен. Ваша жена вряд ли отсюда выйдет.

Произнеся эти страшные и простые слова, снял очки и, глядя в пол, стал хукать и тщательно протирать стёкла.

— Что, — дрогнул Антон, — никакой надежды?

— Увы.

Врач повернулся и скрылся за белыми дверями.

«Не выйдет. Выхода нет...»

Так в один миг пошатнулась, накренилась и стала обрушиваться жизнь Антона. Вот теперь он испугался по-настоящему, в горле его запершило, но он придавил стон, готовый вырваться. Антон силился ни о чём не думать, отгонял налетевшие панические мысли. Что ему оставалось? Внутри его, в тёмной глубине, куда он боялся заглядывать, очнулось и заворочалось нечто древнее, дремучее, готовое в любой миг вырваться наружу, зареветь и завывать. Не надо думать о Даше. Следовало переключиться, занять мозг размышлениями о другом, неважном, постороннем. Ну, положим, об этом враче. «Буду предельно честен». Разве дело врача быть предельно честным?

Антон, выйдя в больничный двор, прижмурился от ударившего в глаза яркого солнечного света, двинулся меж сверкающих сугробов к железным воротам. Нёс в груди бульжник, который тяжело пошевеливался и перекачивался в груди.

Эх, врач, врач... Какой же ты после этого врач?

Завернул в узкий, кривой переулок, покато уходящий вниз к Язуе. Пригревало солнце, таяли сосульки, весело и дружно шелестела капель. Ветер, что мягкими порывами налетал с юга, был уже влажный, весенний.

— Домой сейчас нельзя, — рассуждал Антон вполголоса. — Никак нельзя домой. Там уж точно накроет. Надо теперь как-то меж людьми протолкаться. И вот что... Пожалуй, хорошо бы свечу поставить в церкви.

Доехал до Сокольников, вошёл в храм. Здесь когда-то, юные и красивые, они венчались. Антон и Дарья. Все друзья в ту пору ласково называли их Тоша и Таша.

Внутри храма колыхались огромные толпы народа, стоял ровный гомон. Жарко пылали тысячи свечей, сияли паникадила. Сизый дым от ладана поднимался к сводам. Антон смешался с людьми, растворился в тёплой живой толчее.

Ему повезло, он явился сюда не в обычный день, а 25 февраля — в храмовый праздник иконы Иверской Божьей Матери. Особая, торжественная служба. По красной дорожке, весь в парче и золоте, выходил из Царских врат епископ, выносил чашу. Заканчивалась поздняя литургия.

Антон пробился поближе к большой старинной иконе. Люди опускались на колени, прикладывались к древнему образу, что-то шепча и крестясь. Огоньки свечей дрожали в горячем мареве, мир сиял празднично, светло и пёстро. Общий настрой передался и ему. И когда подошла его очередь, он поступил точно так же, как и другие, — поклонился, приложил горячий лоб к стеклу.

И вот здесь, стоя у Иверской, он неожиданно для себя дал зарок. Он бросит пить, бросит курить, он откажется от всех иных женщин и никогда не будет на них оглядываться, а уж тем более изменять — если его Даша, вопреки заверению честного врача, выйдет из реанимации. Такой вот глупый зарок.

Но сразу как-то отлегло, полегчало на душе. Он верил и надеялся, что клятва его сработает! Почему бы нет, ведь со многими другими людьми случались чудеса. Многие исцелялись от самых тяжких болезней, поднимались со смертного одра.

Придя домой, хотел было допить остатки виски, но вспомнил про зарок. Подошёл к раковине, намереваясь вылить, однако, поколебавшись, не решился. Не хватило духу. Спустился в подвал, растолкал дремавшего на кушетке дворника Михаила. Ему же отдал и полпачки сигарет.

В начале марта Дашу перевели из реанимации обратно в общее отделение. Сработало! Сперва Антон восхитился и обрадовался произошедшему чуду, но тотчас же, по свойственной всем людям зыбкости, засомневался. Не обязательно, не факт. Возможно, и даже вероятнее всего, всё произошло естественным путём, благодаря лекарствам и усилиям врачей. Других, конечно, врачей, а не того румяного и честного дурака.

Но, несмотря на то что вера в чудо померкла, данный перед иконой зарок Антон тем не менее решил соблюдать твёрдо. Вдруг и в самом деле произошло чудо, кто знает. Закуришь, а её опять укатят в реанимацию. Лучше не рисковать.

Жизнь продолжалась.

Антон, как и обещал санитарке Нюре, перехватил денег у Егора Варакина, удачливого художника и практичного человека, давнего своего институтского друга. Стал думать о том, как бы полнее сунуть взятку заведующему отделением терапии. С санитаркой Нюрой было проще. Здесь же всё-таки предстояло иметь дело с человеком интеллигентным, образованным. Нужен особый подход. Как-то всё же совестно. Взятка, как и соитие, дело интимное.

Представлял в воображении сцены передачи денег. И так прикидывал, и эдак... Ничего пристойного не придумывалось. В конце концов занёс деньги и, преодолевая неловкость, выложил конверт на стол.

Заведующий оказался человеком, что называется, без гримас. Грубо разорвал конверт, извлёк содержимое. Сунул палец вовнутрь, убедился, что выпотрошил всё. Конверт смял и выбросил в урну, деньги деловито пересчитал, сложил пополам и спрятал в нагрудный карман. Даже не взглянул на Антона, только молча кивнул. Антон потоптался и тихо вышел.

Куликов решил обезопаситься ещё с одной стороны. Вложил несколько купюр в другой конверт, праздничный, и вместе с тюльпанами, поскольку близилось 8 Марта, вручил Марине Степановне, молодой и симпатичной врачихе, которая лечила Дашу. Врачиха оказалась человеком более тонкого душевного склада — конверт при нём вскрывать не стала, сдержанно улыбнулась и сказала спасибо.

На следующий день Дашу переложили из холла в уютную и светлую двухместную палату. Она уже почти пришла в себя. Лежала, правда, вся увитая трубочками и катетерами, под капельницами. Иглы постоянно торчали в её теле возле ключиц. Их только заклеивали пластырем в перерывах между капельницами. Бедная моя, бедная Даша.

Соседняя кровать, аккуратно заправленная, пустовала, хотя больные по-прежнему теснились на койках в коридоре. Там то и дело вскипали склоки, озлобленные перебранки проникали оттуда и в этот уголок, отчего тут становилось ещё укромнее и уютнее.

Иногда Антон, набегавшийся, усталый, ложился на покрывало пустующей кровати и чутко дремал. Боялся санитарок, особенно матерщинницы Нюры. Хотя каждое утро выдавал ей по пятьсот рублей. Но та умела поставить себя так, что, отдавая ей деньги, Антон тем не менее чувствовал себя должником. Всякий раз ему почему-то казалось, что недодаёт...

Дни потянулись одинаковые, похожие друг на дружку. Но с каждым утром всё меньше становилось снега на больничном дворе, всё ярче светило и пригревало весеннее солнце. Антон за эти недели перезнакомился со всеми охранниками, медсёстрами, санитарками и даже с некоторыми больными. Все относились к нему с сердечной симпатией и приязнью. Он и не догадывался о том, что меж собой с лёгкого языка санитарки Нюры все называли его «любезный».

Из Дашиного тела вытащили наконец все эти ужасные иглы. Она полностью пришла в себя, и Антон видел, что с каждым днём положение улучшалось. Они уже мечтали, тихо спорили и планировали летнюю жизнь на даче. Антон приходил утром, затем уезжал на работу в офис, вечером являлся снова.

Привозил свежую малину, чернику, сливки, творожок. Всё это покупалось в дорогом магазине на Новом Арбате, заёмные деньги быстро таяли.

Куликов хлопотал, звонил своему давнему знакомому, доктору Романовскому, советовался. Он твёрдо решил перевезти Дашу из обычной городской больницы в специализированную. Но заведующий запретил, переезд этот был ещё слишком опасным.

— Да и бесполезно, — сказал он равнодушно. — Терминальная стадия.

Антон не знал, что это означает. Но разведывать в Интернете и выяснять побоялся.

Была уже середина марта. В пятницу Антон встретился в военном госпитале с медицинским профессором. Встречу эту устроил доктор Романовский.

Военный профессор, доброжелательный старик, девственно лысый, внимательно переглядел снимки, перебрал бумажки с результатами анализов. Вчитывался, хмурил лоб, хмыкал. Показывал что-то Романовскому, тыкал плоским ногтем в рентгеновский снимок. Обменивались непонятными репликами. Опять прозвучало, сверкнув таинственными гранями, красивое слово «билирубин».

Лысина доктора, тяжёлые его очки, косматые, неухоженные брови, торчащие из ноздрей дикие волосы и большие уши нравились Антону. Видно было сразу, что человек особенный, многоопытный, незаурядный. Профессор, однако, немного охладил надежды Антона.

— Нет, на дачу, друже, вы этим летом не поедете. Пусть лежит дома. Будете ухаживать. Коли есть такая возможность, наймите сиделку. Могу порекомендовать...

Возможности такой не было. Деньги заканчивались. Антон вручил профессору две бутылки коньяка, ушёл окрылённый. Как он здорово сказал: «Пусть лежит дома!» Вот что значит профессор!

Пока ехал в больницу, бодрости в нём прибавилось, надежды снова сами собою разгорелись.

— Радуйся, Даша! — Он держал в ладонях её руку, гладил. — Профессор сказал, что никакого терминального состояния у тебя нет.

Она слабо и грустно улыбнулась. Как будто откуда-то из дальнего далека.

Назавтра наступило утро яркой и солнечной мартовской субботы. Той самой субботы, когда всё в одно мгновение окончательно перевернулось, опрокинулось.

Антон проснулся бодрым, его переполняла весёлая энергия. Стоя под душем, напевал на разные голоса. Но при этом чувствовал, что веселье его отдавало чем-то нервическим. Звенело тонким железным звоном.

Поскольку был выходной, он не спешил. Сегодня не нужно ехать на работу, он мог весь день про-

вести в палате у Даши. В одиннадцать часов утра вышел из дома, поехал по аптекам, накупил растворов, лекарств, пелёнок — всё по списку, который ему накануне продиктовала Марина Степановна. Завернул в магазин на Новом Арбате, набрал мандаринов, свежих ягод, сливок, творога... Вот эти житейские передвижения и хлопоты вспоминал Антон после со странным чувством, когда выяснилось, что всё это время занимался он совершенно ненужными, напрасными и бесполезными хлопотами. Даша умерла в девять. На том конце никого уже не было.

Радостный поднялся на лифте в отделение, кивнул дежурным медсёстрам. Погружённый в свои чувства, не обратил внимания на то, что при его появлении они разом примолкли, лица их сделались скучными. Вошёл в палату.

Кровать Даши была аккуратно застелена. Солнечный прямоугольник сиял на покрывале. Нет, дверь он не ошибся!.. Всё яснее ясного. Конечно же Антон мгновенно обо всём догадался. Но не пустил страшную эту догадку в сердце. Отмахнулся, отогнал, отгородился, постарался не поверить.

«Просто увезли опять в реанимацию».

В горле, однако, стало сухо, ноги ослабели, дрогнули в коленях. Прихрамывая, вернулся к стойке:

— Зоюшка, голубушка... Скажи мне... В реанимации? — Голос был чужим, звучал фальшиво, заискивающе.

Зоя, накрахмаленная, холодная и красивая, склонилась над журналом, что-то писала. Сказала, не поднимая головы:

— Марина Степановна просила зайти.

Антон поплёлся в кабинет врача. Та тоже писала что-то. Подняла голову, мельком взглянула и продолжала писать.

— Подождите в коридоре, — сказала только.

Он вышел в коридор, прислонился спиной к стене. Медленно-медленно съехал вниз, опустился на корточки. Через пять минут врач вышла.

— Знаете, я ведь тоже поверила, что терминальная стадия миновала. Поверила, что она выживет... Что с вами? Я позову сестру, она сделает укол.

— Не надо, — сказал Антон, поднимаясь. — Я спокоен.

Вот и всё.

Антон вернулся к медицинскому посту, оставил там привезённые дорогие лекарства, упаковки пелёнок, пакеты с едой. Всё это было уже бесполезно и ненужно. По пути к лифту заглянул в дежурку к санитарке Нюре. Протянул ей купюру в пятьсот рублей. Та молча отстранила его ладонь. Спросила только:

— Спирту?

— Нет, — сказал Куликов. — Мне теперь нельзя. Спустился на лифте.

— Ну как там твоя? — поинтересовался охранник.

Антон вяло махнул рукой.

Опять он шёл по большичному двору к железным воротам. Мартовское солнце сияло в синем небе. Сугробы, наваленные по сторонам дорожки, сверкали отражённым светом, слепили глаза.

Антон с некоторым удивлением прислушивался к себе. Ему было совсем не больно, а только очень странно. В душе и на сердце без всякого укола установилось стеклянное, застывшее равнодушие, время как бы загустело, замедлилось. Он понимал, что внутри сейчас включились и действуют какие-то древние механизмы самозащиты, что это психика пытается обезопасить себя от срыва. И ещё он понимал, что затишье это — временное.

Дашу отпевали в той самой церкви в Сокольниках, где они венчались, где он всего лишь три недели назад дал свой глупый зарок. Потом гроб повезли на микроавтобусе в Калужскую область. Здесь на сельском кладбище, заросшем старыми чёрными липами и голыми кустами сирени, выкупил он накануне небольшой участок для двоих. Совсем недорого.

Провожающих было немного. Сам Антон, дочка и ещё лучший друг Куликова — Егор Варакин, с которым некогда вместе заканчивали они Суриковский художественный институт. В сторонке, опершись на лопаты, курили три могильщика в чёрных телогрейках. Массовка, задний план. Лица едва намечены.

День выдался серым, ветреным. Ветхий священник совершил торопливую, краткую литию над открытым гробом. Видно было, что он озяб в своей овечьей душегрейке, надетой поверх рясы. Ветер трепал его редкие волосы, гнул набок седую бороду. Когда старик приближался, раскачивая кадило, к самому краю могилы, Антон внутренне напрягался, боясь, что тот как-нибудь оскользнётся на глине, свалится в тёмную яму.

Носились в воздухе редкие снежинки, падали на лицо Даши, не таяли.

Но вот выступили на передний план могильщики, оттеснили Антона, закрыли гроб, застучали топорами. Затем, подпустив снизу верёвки, стали опускать. Двое в головах, третий, худой, жилистый, носатый, взялся с другого конца, командовал. Антон вспомнил, что точно так же, втроём, спускали Дашу к машине «скорой помощи». Это было меньше месяца назад, но так уже давно...

Осыпалась глина под резиновыми ботами, худой, задрав верхнюю губу и оскалившись, как лошадь, тихо и хрипло ругался:

— Игнат, ёшкин кот!.. Не дёргай!.. Плавней трави!..

Видно было, что изо всех сил сдерживает рвущийся с языка мат.

Опустили гроб, вызволили верёвки. Три горсти земли глухо ударились о крышку. Могильщики спо-

ро и слаженно принялись орудовать лопатами, совершать своё привычное, рутинное дело. Установили крест, пригладили, обстучали лопатами бугорок, обтряхнули ладони. Румяный Игнат вытер рукавицей толстое лицо, воткнул подле креста букет ярких бумажных роз.

Куликов полез в карман за кошельком, Варакин остановил. Вытащил красивый бумажник, стал отсчитывать купюры. Могильщики, деликатно отступив на полшага и отвернув лица, внимательно следили за его пальцами. Игнат, принимая плату, попросил:

— Набавить бы трошки... Дело такое.

Судя по румянному лицу, весёлым и наглым глазам, он хорошенько уже хлебнул.

— Наломались, грунт тяжёлый.

— Корни, ёшкин кот, — поддержал худой, шмыгая простуженным носом. — Сирень эта, мля...

— Набавь, — сказал Антон Егору Варакину. — Я после отдам.

Когда всё закончилось, дочь обняла Антона, поцеловала в щёку и уехала в Москву на машине Варакина. Куликов, оставшись в одиночестве, некоторое время стоял у могилы. Пошатал крест. Крест стоял прочно. «Вот тут когда-нибудь и я лягу, рядышком с ней, — подумал он. — И тоже такой же крест будет стоять в ногах». Поднял глаза, поглядел в дальнюю даль, которая открывалась ему с пригорка. «А вот от тех холмов и облаков, от самого горизонта, под звуки последней трубы пойдут к нам толпы ангелов...»

Пешком отправился на дачу. Шёл через поле к дальнему лесу. Низко по небу летели серые клочья облаков. По обеим сторонам дороги, утонув в снегу, горестно качались и гнулись редкие сухие стебли. Порывистый ветер, не встречая преград в чистом поле, дул теперь совсем не по-весеннему, бил прямо в лицо, остро холодил щёки, швырял в глаза редкие снежинки. Приходилось сутулиться, наклонять голову, заслонять веки ладонями.

Едва открыл дверь на веранду, как мимо лица его, трепеща крыльями, пролетела синица, слепо ударилась в оконное стекло.

«Это душа её!» — догадался Антон.

Торопливо стал дёргать мёрзлые шпингалеты, открывать окна. Распахнул настежь дверь. Синица, ударившись несколько раз, отыскала наконец выход и благополучно вылетела на волю.

Это небольшое происшествие, приключившееся с душой Даши, ненадолго развлекло и отвлекло Антона от главного. От того, что всё это время громадной косной глыбой теснилось внутри его, не позволяло вдохнуть полной грудью.

Куликов вошёл в стылую, нежилую избу. Здесь они с Дашей всегда были вместе, всегда вдвоём. Эх, Антон, Антон... Как же нам не плакать, не рыдать...

Вырвали из груди всю твою жизнь, выдрали грубо и безжалостно, вместе с корнями. И ничем нельзя заполнить эту пустоту, эту зияющую ревущую воронку, ничем. Отныне и до века.

Вот её большая красивая фотография висит, как и прежде, на деревянной стене. А сама она не здесь. Где-то там. И вход туда для Антона воспрещён. Он посторонний.

Антон опустился на кровать и коротко взвыл.

Плачь, Антон. Кричи, хрипи, вой, рви пальцами горло. Выпусти на волю, на свободу, на простор бесстыжее своё горе. Не думай, что у тебя искажённое, дурное лицо. Не стесняйся, брат. Бейся головой в стену. Благо никто тебя не видит и не слышит. Некого нам стыдиться. Тем более что через пять или десять минут горе и отчаяние иссякнут в тебе, ты, обесиленный и пустой, повалишься на кровать, подтянешь колени к подбородку и мгновенно провалишься, уснёшь. Всхлипнешь пару раз, засыпая, вздохнёшь судорожно, а после успокоишься и будешь дышать во сне ровно, как в детстве.

Но помни, зарок твой остался с тобой до конца твоих дней. Отныне твой удел — помнить, вздыхать и печалиться, как печалился некогда Адам, когда его выпихали из рая. И жить тебе на этой неудобной и жёсткой земле ещё долго, очень долго.

2

Как и было обещано, долго ещё жил на свете Антон Куликов. Прилежно исполнял зарок, жил один. Десять бесконечных лет. Которые, впрочем, если оглянуться из нынешнего дня — промелькнули как один миг, сгорели без следа, будто спичка.

Страшная сосущая пустота, что когда-то открылась в груди, постепенно зарастала, затягивалась. Так затягивается, зарастает «волчье око» в болоте. Бездна маскируется тонким и зыбким слоем травы, ходить тут следует осторожно. Прорва эта в тебе навсегда, она никуда не девается, и ледяной сквознячок, веющий оттуда, будет холодить твою душу постоянно.

Однажды, это было в начале ноября, Антон с Егором Варакиным летели в командировку в Сибирь. Хозяин фирмы по производству и продаже кормов для животных, в которой оба работали, отправил их на разведку. Нужно было переговорить с владельцами зверохозяйств о поставке тушек, когда с тех обдедут ценный мех.

Перед посадкой в самолёт зашли, как водится, в дьюти-фри. Варакин для того, чтобы купить себе на дорожку спиртного, Антон просто так, за компанию. До выхода на посадку оставалось с полчаса. Друзья, убивая время, бесцельно бродили по залам, заглянули в отдел парфюмерии.

— Какой славный и богатый магазин! — рисуясь перед молодой продавщицей, воскликнул Куликов. — Великое наслаждение находиться среди райских ароматов и дышать этим благодатным воздухом!..

— А купил бы ты «Шанель № 5», — перебил Варакин, приостановившись у витрины. — Знаменитые духи! Недорого. Шанс, что подделка, минимальный. У Ады нашей скоро день рождения. Ты бы, как начальник отдела, ей и преподнёс...

— С какого фонаря? Она же вообразит невесть что, — возразил Антон.

— Да шутки ради. Она одинока, ты один. А тут вдруг от тебя духи! Ты прав, она, конечно, начнёт ломать голову, что, да как, да почему. Но в нашей вялой и однотонной жизни надо поступать так, чтобы хоть иногда возникали напряжения. Так ведь интересней. В конце концов, она женщина. Ей просто будет приятно. Подумай.

Антон повертел коробочку с духами, понюхал и равнодушно поставил обратно. Соблазнительно, конечно, было бы видеть лицо подчинённой, принимающей эти духи, но... Во-первых, дороговато. Во-вторых, глупо. Что с того, что она женщина? Ну, женщина, и что?..

Вероятно, с этого времени внутри Антона стало что-то меняться, но он этого ещё даже и не заподозрил. Никто не знает и толком не сможет объяснить, что происходит внутри человека. Даже сам человек почти никогда не догадывается и не чувствует этих таинственных превращений. Не может определить того момента, когда ничтожный пустяк, до сих пор мёртво дремавший среди миллионов таких же ничтожных пустяков, вдруг оживает, подобно зерну в почве. Капля дождевая упала, южный ветер подул, луч весеннего света озарил — и в глубине чёрной земли начинается брожение и движение.

Прошло почти полгода. В марте случилось печальное для Антона событие — тихо окошел кот Кузя. Его котёнком нашла когда-то Даша в дачном осеннем лесу, отогрела и выходила. Бессловесное ласковое существо, которое хранило тёплую связь между Дашей и Антоном. Даша его гладила, и он урчал, пригревшись на её груди. И вот эта последняя живая связь истончилась и оборвалась. Кажется, именно это печальное, но ничтожное событие стало причиной того, что прежняя жизнь Антона Куликова, которая до сих пор катилась ровно и плавно, без взлётов и падений, без больших радостей, без сильных скорбей, стала вдруг сворачивать в сторону, кособочиться, менять направление.

Ещё одно происшествие из того же таинственного ряда мелких на первый взгляд событий, но которые управляют течением жизни, произошло спустя пару месяцев, в конце мая, когда в московских парках и дворах зацвела сирень. Давно вернулись они с Варакиным из Сибири, напрочь позабыл Антон

про командировку, про аэропорт и про дьюти-фри. Но всплыла совсем неожиданно и как-то очень к месту та сцена с французскими духами «Шанель», и живо вспомнился давний беззаботный разговор.

Свежим майским утром Куликов стоял на остановке, ждал автобуса, чтобы ехать на работу. На лице его играла странная блуждающая улыбка. Он озирался вокруг, не понимая, откуда нахлынуло вдруг ощущение необыкновенного счастья. Стая городских дроздов сорвалась с крыши остановки, весело треща крыльями... И тут к нему подступила чернявая женщина, поджарая и горбоносая, очень похожая на ведьму. Легонько тронула за локоть:

— Антон? Тоша...

Тёмно-вишнёвая прозрачная шаль, смуглое лицо, сухие, тонкие губы и особенно этот нос. Сквозь сеть морщинок постепенно проступал смутно знакомый образ. Кто бы это мог быть? Ведьма пытливо и тревожно следила за его реакцией.

— Ариадна? — не совсем уверенно предположил Антон.

Горбоносое лицо просияло. Это была давняя знакомая его Даши, обладательница редкого сочетания имени и фамилии, звучащего как театральный псевдоним — Ариадна Зарайская. Зарайская и Даша когда-то работали вместе.

— Живёшь здесь? — нейтрально спросил Антон.

— Нет, — сказала Зарайская. — Случайно оказалась. Мне тут один фрукт встречу назначил, а сам не явился.

— У тебя? Свидание? — удивился Куликов, но тотчас, сообразив, что удивление его выглядит бестактным, поправился: — Отлично выглядишь, Ариадна!

Не успев договорить, почувствовал неловкость от неискренного и неуклюжего комплимента.

— Ну уж, — снисходительно усмехнулась чуткая Ариадна. — Свидание деловое. Можно сказать, коммерческое. Позвонил нынче утром какой-то незнакомец с приятным таким властным басом. Сказал, что желал бы купить у меня духи «Шанель». Ценой не смутился. Да и по голосу я сразу определила, что человек состоятельный.

— «Шанель № 5?» — вспомнив аэропорт, блеснул эрудицией Куликов.

— Ну да. Если ты помнишь, хотя это вряд ли, у вас, мужиков, память особая... Короче говоря, нам с твоей Дашей много лет назад профсоюз выдал талоны в ЦУМ. Мы купили «Шанель № 5». Те ещё духи, настоящие, французские. Я, поверишь ли, флакончик этот так и не вскрывала, хранила зачем-то. В тёмном месте.

— Да ну?..

— И вот не знаю, откуда этот товарищ про духи проведал. Назначил свидание на остановке. Я его сорок минут прождала, а в итоге уезжаю ни с чем.

— В высшей степени таинственная история.

— То-то и оно. Во-первых, про духи пронюхал. Ну, это ладно, положим, я про них многим хвасталась. Но он номер телефона каким-то образом узнал. Я три раза перезванивала, абонент вне сети. А у меня чувство, что он сейчас издалека, сволочь такая, наблюдает и ухмыляется... — Ариадна оглянулась. — Даже и не по себе, тревожно как-то.

Антон зачем-то посмотрел туда же, куда оглянулась Ариадна. Двор в кустах сирени, в глубине старинный дом с круглыми чердачными оконцами. Поскольку Куликов всегда был мнительным человеком, тревога Ариадны передалась и ему, беспокойно шевельнулось сердце. Ощущение только что пережитого необыкновенного счастья улетучилось.

Но вслед за тем, по странной прихоти ассоциаций, на ум пришла озорная мысль. Куликов вспомнил слова Егора о том, что Ада женщина и ей будет приятно. И о том, что нужно поступать так, чтобы в жизни возникали интересные напряжения.

— Вот что, Ариадна... Продай мне эти духи! — И принялся торопливо врать, городить пояснения: — Я тут, видишь ли, влюбился в одну молодуху, у ней скоро день рождения. Ну, словом, выручи. Продай!..

— Ну, не знаю... — протянула Зарайская. — Слишком долго я их берегла.

— Ну ты же хотела продать их тому басовитому чёрту!

Весёлая мысль всё сильнее овладевала им.

— Это, конечно, так, но...

Голос её, впрочем, звучал не совсем твёрдо. Антон уже точно знал, что продаст. Набивает цену, но продаст. Во-первых, жадная. А во-вторых, любая женщина даже самые нелепые ссылки на влюблённость без всякого рассуждения считает достойными и уважительными.

Ариадна назвала цену. Антон дрогнул, но весёлая идея была слишком заманчивой. Он кивнул согласно.

Вечером того же дня, дождавшись, когда офис опустеет и они с Адой останутся одни, Антон подошёл к большому зеркалу у выхода, у которого она охорашивалась.

Молча протянул заветные духи.

Ада в этот момент набрасывала на плечи расписной цветастый платок, поворачивала влево-вправо голову, внимательно разглядывала своё отражение. Покосилась, а затем повернулась лицом к Антону. Брови её удивлённо поднялись.

— Это мне?

Он кивнул и усмехнулся, ему было занятно наблюдать за реакцией Ады. Только и всего. Она медленно и недоверчиво протянула руку...

Вот так это произошло, почти помимо его воли и желания. Он ведь до этого три года не обращал на